

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33

Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи

В.В. Пужаев, В.Б. Романовская

Аннотация. Распространение в Японии рационалистических концепций естественного права было связано с происходившим в эпоху Мэйдзи инокультурным влиянием. После падения феодального режима сёгуната Токугава (1603–1868) Япония взяла курс на масштабную модернизацию национальных правовых институтов и общественно-политической системы в соответствии с образцами передовых государств Запада. Вестернизация империи затронула практически все сферы общественной жизни японцев. Одним из направлений рецепции западных идей и ценностей стало восприятие японскими интеллектуалами и просветителями иностранных учений о естественном праве. В статье авторами исследуется вопрос о том, каким образом европейская философия юснатурализма появилась в Японии, и в силу каких причин «чуждая» идея естественного права смогла утвердиться в политико-правовом пространстве Страны восходящего солнца. С этой целью авторами рассматриваются особенности правовой традиции домэйдзийской Японии, отличающие её от западной правовой традиции, анализируются первые случаи знакомства японцев с новоевропейской естественно-правовой философией. В статье уточняется, что введение теории естественного права в японский «юридический оборот» произошло в процессе рецепции французского права, а также благодаря преподавательской деятельности французских юристов, нанятых на службу Министерством юстиции (*Сихо:сё:*) для обучения японских студентов. Отмечается, что ключевую роль в распространении естественно-правовых идей на японском архипелаге сыграл выдающийся французский компаративист, профессор Парижского юридического факультета Гюстав Буассонад де Фонтараби (1825–1910). В 1873 г. Буассонад прибыл на Дальний Восток по приглашению правительства Мэйдзи для оказания консультативной помощи в вопросах модернизации правовой системы Японии, а также для обеспечения системы подготовки юридических кадров для новых учреждений юстиции. Впервые в российской науке даётся характеристика естественно-правовых воззрений Гюстава Буассонада де Фонтараби и осуществляется общая оценка влияния его философии права на японскую правовую доктрину и правоприменительную практику.

Ключевые слова: правовая система Японии, реставрация Мэйдзи, французское право, Гюстав Буассонад, естественное право, сравнительное правоведение, рецепция права, кодификация.

Авторы:

Пужаев Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23). ORCID: 0000-0001-6818-8116; E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Романовская Вера Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23). ORCID: 0000-0002-7938-5171; E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00034 «Правовые воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби и рецепция французского права в Японии».

Для цитирования: Пужаев В.В., Романовская В.Б. Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 4. С. 6–33. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33

Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era

V.V. Puzhaev, V.B. Romanovskaya

Abstract. The spread of rationalist concepts of natural law in Japan was associated with the influence of the Western civilization, which intensified considerably with the beginning of the Meiji period. After the fall of the Tokugawa shogunate's feudal regime (1603–1868), Japan opted for a large-scale modernization of national legal institutions and the social and political system based on the model of progressive Western states. Westernization affected practically all spheres of social life of the Japanese. One of the directions of reception of Western ideas was the adoption (internalization / perception) of foreign doctrines of natural law by Japanese intellectuals. In this article, the authors examine how the European philosophy of natural law was introduced into Japan and why a “foreign” idea of natural law was able to establish itself in the legal environment of this Far Eastern country. The authors analyze the peculiarities of the legal tradition of pre-Meiji Japan which distinguish it from the Western legal tradition, determine the first cases of Japanese acquaintance with the New European philosophy of natural law. The article specifies that the introduction of the natural law theory into the Japanese “legal circulation” took place in the process of reception of the French law as well as thanks to the teaching activities of the French lawyers hired by the Ministry of Justice to teach Japanese students. It is noted that a prominent French comparativist, professor at the University of Paris, Gustave Boissonade de Fontarabie, played a major role in promoting the ideas of natural law in the Japanese archipelago. In 1873, Boissonade came to the Far East at the invitation of the Meiji government to provide advice on modernizing Japan's legal system and to help train legal personnel for the new institutions of justice. The article provides a detailed description of Gustave Boissonade's views on natural law and an overall evaluation of his legal philosophy.

Keywords: Japanese legal system, Meiji restoration, French law, Gustave Boissonade, natural law, comparative law, reception of law, codification.

Authors:

Puzhaev Vladimir V., Senior Lecturer at Department of Labor and Environmental Law, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (address: 23, Gagarina pr., Nizhniy Novgorod, 603022, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6818-8116; E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Romanovskaya Vera B., Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (address: 23, Gagarina pr., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7938-5171; E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00034 «Legal views of Gustave Boissonade de Fontarabie and the reception of French law in Japan».

For citation: Puzhaev V.V., Romanovskaya V.B. (2021). Gyustav Buassonad de Fontarabi i ideya estestvennogo prava v Yaponii v epokhu Meydzi [Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 6–33. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-6-33

Введение

Падение феодального режима сёгуната Токугава в ходе революции Мэйдзи положило начало кардинальному пересмотру основ японской дипломатии. После долгих лет изоляции от внешнего мира Япония открыла свои двери иностранному культурному (*in sensu lato*) влиянию. Подписание в период *бакумацу* невыгодных для Японии Ансэйских договоров не только обнажило проблему военной и экономической отсталости японского государства, но и стало серьёзным ударом по национальному самосознанию жителей островов. Желая сохранить политическую независимость страны и обеспечить её полноправное участие в международных делах, новое правительство Японии спешно приступило к созданию и развитию на территории государства новых правовых и политических институтов, заимствованию у Запада передовых технологий организации промышленности и форм экономического хозяйствования. Быстрая модернизация правовой системы сопровождалась категорическим отказом от разного рода идеологических и религиозных стеснений, унаследованных от феодального прошлого. В практику государственного управления прочно вошли прогрессивные формулы «*буммэй кайка*» («цивилизация и просвещение») и «*вакон-ёсай*» («японский дух – западные знания»), в сконцентрированном виде отразившие основные направления намеченных политических и социально-культурных преобразований. Вся дальнейшая судьба империи Мэйдзи оказалась связанной с восприятием и усвоением на самобытной исторической почве интеллектуальных образцов и систем мышления, рождённых в совершенно иной культурной среде. Одним из направлений рецепции западных идей и ценностей стало восприятие японскими интеллектуалами и просветителями иностранных учений о естественном праве. Будучи привнесённой в Японию извне, «западная» идея естественного права сыграла важную роль в модернизации всей правовой системы Страны восходящего солнца.

Знакомство японцев с новоевропейской философией естественного права

Господствовавшая концепция права, общая для феодальной островной Японии и континентального Китая, «противоречила представлению о “естественном праве” как о модели человеческого поведения, вытекающей из гипотетического и до-государственного состояния природы, из которого человечество должно было обязательно выйти, чтобы подпасть под верховное правление позитивного права» [Хауленд 2020, с. 107]. Право

домэйдзийской Японии было основано на системе традиционных ценностей, в целом характерной для народов Дальнего Востока. Центральное место в регулировании общественной жизни отводилось моральным нормам, вследствие чего у японцев твёрдо распространилось убеждение, что право необходимо лишь как инструмент наказания, репрессии за нарушение моральных правил, а потому оно сводится исключительно к уголовному праву. По этой причине история японского права отмечена весомым богатством и обилием уголовных законов, в то время как гражданское законодательство страны до рецепции западного права оставалось в значительной мере неразвитым (в сравнении со странами Запада). Гражданские законы древней и средневековой Японии ограничивались главным образом постановлениями в области семейного и наследственного права и отдельными положениями в сфере имущественного оборота. Однако существовавший долгое время запрет на продажу и завещание земельных участков, а также множественные ограничения, связанные с развитием торговых отношений, не способствовали широкому развитию гражданско-правового регулирования.

Начиная с V века Япония испытала на себе сильное влияние Китая в области идеологии, литературы, искусства и религии. На протяжении нескольких веков довольно щедро заимствовались элементы и институты китайского права и китайской правовой культуры. Сложившаяся в этот период система японских законов *«рицурё»* имела значительное сходство с законами империи Тан. Сближению правовых систем континентального Китая и островной Японии способствовало проникновение на архипелаг китайской письменности и распространение философии конфуцианства. В конфуцианской этике основной упор был сделан на так называемые статусные отношения, а не на права личности – понятие, которое (в современном истолковании) было неизвестно традиционным системам дальневосточного права. В сознании японцев закрепилось глубокое убеждение, что государственное управление надлежит основывать на добродетели, которая подразумевалась единственно почитаемой мерой для различения правильного и неправильного. Мораль, как сила противодействия «злу», служила мерилom преступности и наказуемости деяний. Серьёзность совершаемых японцами противоправных поступков «определялась тем, насколько была нарушена конфуцианская мораль, зафиксированная в законе» [Еремин 2010, с. 76]. В данной системе координат праву отводилась роль второстепенной категории этики [Minear 1973, p. 151]. Идея долга, а не права, была стержневым компонентом конфуцианского идеала. Как справедливо отметила Е.Л. Скворцова, японская цивилизация, равно как и китайская, «обращалась к человеку на конфуцианском языке долга-ответственности, сыновней почтительности и ритуала, а не свободы и права» [Скворцова 2017, с. 49]. Буржуазное общество Запада существовало на ином фундаменте: оно было «немыслимо без личной инициативы, в основе которой лежала свобода выбора, обеспечиваемая личной независимостью индивидов» [Бугаева 1978, с. 9]. Сегодня доподлинно известно, что в домэйдзийской Японии не существовало идеи права в том виде, в котором она процветала на Западе в XIX столетии.

Во времена правления сёгунов из династии Токугава знания японцев о нравах и обычаях народов Запада были весьма посредственны. Общественное мнение в целом характеризовалось отрицательным отношением ко всему иностранному, и государство сурово наказывало тех, кто осмеливался нарушить запрет на контакты с чужеземцами. Но даже в условиях тотальной изоляции от внешнего мира, некоторые японские интеллектуалы

могли получать общие сведения об особенностях западной культуры. Скучная информация о жизни европейцев попадала в Японию через морской порт Нагасаки, где в качестве исключения из общего правила велась торговля с китайскими и голландскими купцами (на острове Дэдзима (Дэсима) близ Нагасаки разместилась голландская торговая фактория). Налаживанию торговых контактов с немногочисленными иностранцами способствовала деятельность гильдии потомственных переводчиков с голландского языка, которые в этом смысле стали первыми «знатоками» западной цивилизации. Поначалу они могли довольствоваться только устным общением и не имели возможности приобретать в собственность тексты на голландском языке. Ещё в 1641 г., в рамках противодействия католической экспансии, сёгунат установил строгий запрет на ввоз в Японию европейских книг, кроме некоторых сочинений в области медицины и навигации. Этот запрет сохранялся вплоть до правления восьмого сёгуна Ёсимунэ, с чьего высочайшего соизволения (1720 г.) в Японию разрешили ввоз любых книг, если те были составлены на голландском языке [Кин 1972, с. 17–18; Хауленд 2020, с. 40]. На протяжении нескольких десятков лет до вторжения «чёрных кораблей» commodора Перри постепенно формировалась когорта японских исследователей «голландской учёности». Практический интерес заставлял их обращаться к изучению западных трудов по медицине, математике, естествознанию, географии, артиллерийскому и военному делу. В этом постоянно растущем фонде западных сочинений трудам в сфере юриспруденции и философии права места практически не находилось.

Первые серьёзные контакты японцев с западным правом состоялись уже в последние годы существования сёгуната Токугава и были связаны с усилением иностранного давления на Японию со стороны западных держав. По этой причине в 1862 г. сёгунатом было принято решение о направлении за границу группы японских студентов для изучения основ западной науки (военно-морских технологий, общественных наук и медицины). Изначально *бакуфу* рассматривало в качестве лучшего варианта для заимствования западных знаний и технологий Соединенные Штаты, однако разразившаяся в Америке гражданская война (1861–1865) помешала реализации данных намерений токугавского правительства. Учитывая имевшиеся торговые связи с Голландией, *бакуфу* довольно быстро достигло необходимых договоренностей о строительстве военных кораблей для Японии на голландских верфях и отправку студентов на обучение в голландские университеты. В 1863 г. в Европу для изучения права отправились два преподавателя Института по изучению западных изданий (*Бансё сирабэсё*) – Ниси Аманэ (1829–1897) и Цуда Мамити (1829–1903) (впоследствии оба стали известными японскими просветителями). Вместе с голландским врачом Й. Помпе ван Меердервуртом (1829–1908) молодые японские интеллектуалы отправились в далекую и незнакомую Европу. Обучение прибывших студентов проходило в Лейденском университете под руководством голландского профессора политэкономии Симона Виссеринга (1818–1888). В Лейденском университете Ниси и Цуда изучали учебные курсы по естественному праву, международному праву, государственному праву, политической экономии и статистике.

В 1865 г. Ниси возвратился в Японию и принял активное участие в политической жизни империи Мэйдзи. Обучение в европейском университете не только привило Ниси любовь к западной философии, но и утвердило его в осознании необходимости более тесных контактов Японии с западным миром. По возвращении на родину Ниси стремился распространять западную философию среди японцев, желая таким образом сгладить

интеллектуальный разрыв между Востоком и Западом. В основном просветительские усилия Ниси были связаны с его личными предпочтениями и выразились в популяризации философии контовского позитивизма, эмпиризма, а также утилитаристских воззрений Джона Стюарта Милля. Благодаря осуществленным переводам западных сочинений, Ниси быстро приобрел славу «отца западной философии» в Японии. Ниси также считается одним из первых японских учёных, попытавшихся примирить конфуцианскую мысль с западной философией и политической теорией. Помимо перевода на японский язык курса международного права Генри Уитона (1785–1848) (в английском оригинале – «Элементы международного права», 1836 г.), Ниси составил на родном языке краткое изложение лекций своего голландского учителя Виссеринга, куда были включены, в том числе, разделы о естественном праве.

В 1871 г. в Японии была опубликована одна из первых книг о естественном праве, получившая при переводе название «*Сэйхо: ряку*» («Общее представление о естественном праве»). Издание сопровождалось предисловием Ниси Аманэ, однако по содержанию являлось скорее вводным курсом в изучение юридических наук, чем философским объяснением теории естественного права [Нода 1981, с. 232]. Автором книги выступил Канда Кохэй (Такахира) (1830–1898), который в качестве основы для изложения своей теории естественных прав личности использовал рукописи Ниси под названием «*Сэйхо: кокэцу*» [Хауленд 2020, с. 147, 285]. Перечисленные сочинения получили широкое распространение в Японии, став для всех интересующихся своего рода ознакомительными пособиями, без знания которых нельзя было приступать к изучению западного права. В своих сочинениях Ниси также уделит место рассуждениям о соотношении понятий «*хо:*» (право) и «*хо:рицу*» (закон), объясняя, что «*хо:*» является всего-навсего идеалом, в то время как «*хо:рицу*» обозначает конкретную систему правил, используемых для регулирования общественных отношений. Можно сказать, что Ниси фактически осуществил в Японии «первую попытку различения понятий позитивного и естественного права» [Rodríguez 2012, p. 235] в том виде, в каком это различие обычно постулируется на Западе.

В процессе подготовки вышеназванных рукописей Ниси и Канда (как и многие другие переводчики, например, Мицукури Ринсё) столкнулись со значительными трудностями при подборе японских эквивалентов для точного перевода западных юридических понятий и выражений. Сложность создания юридического и политического глоссария была предопределена фундаментальным расхождением в мировоззренческих горизонтах: «... культуры Запада и Японии не просто говорили на разных языках. В основании их менталитета лежали диаметрально противоположные духовные смыслы, выраженные в наиболее абстрактных, так называемых “предельных” понятиях их лингвокультур. Если в основании западного мировоззренческого комплекса мыслится Бытие», то в основании дальневосточного комплекса располагается «Небытие, трактовка которого напрямую невозможна, но которое можно суггестировать в разного рода практиках...» [Скворцова 2017, с. 38].

Особенности лингвокультур Японии и западных стран усложняли процесс формирования юридического и политического языка, который бы соответствовал нуждам и потребностям «обновляющейся» империи. «Для абстрактных понятий, вроде бы интуитивно ясных каждому европейцу или американцу, таких как “свобода”, “суверенитет”, “право” или “общество” ни в китайской цивилизации, к которой принадлежала Япония, ни в самой

японской культуре аналогов попросту не существовало» [Скворцова 2017, с. 43–44]. Названные обстоятельства вынудили японских переводчиков потратить много времени и сил на то, чтобы определить, как на Западе интерпретируются те или иные юридические понятия и выражения. С окончанием политики *сакоку* (самоизоляции страны) они довольно быстро осознали, что европейцы говорят на разных юридических языках, так что даже фундаментальные категории «право», «закон», «субъективные права» и «юридические обязанности» могли иметь различные обозначения в континентальном праве и в английском праве. Самоотверженная и новаторская работа японских переводчиков по созданию юридического глоссария в виде иероглифических записей напоминала нелёгкий труд архитекторов, которые, прежде чем построить новое здание, вынуждены всегда заботиться о поиске или изготовлении необходимого для возведения объекта строительного материала.

Гюстав Буассонад де Фонтараби и рецепция идеи естественного права в Японии

Естественно-правовая мысль смогла закрепиться в Японии благодаря рецепции французского права и деятельности французских преподавателей, самоотверженный труд которых нередко осуществлялся с рвением настоящих миссионеров. С 1870-х гг. в Токио наблюдалось соперничество между двумя юридическими школами, в которых преподавали две разные системы права – английское (юридическое отделение Токийского университета) и французское (юридическая школа при Министерстве юстиции). Учителя английского права не испытывали особого почтения к континентальным теориям естественного права. Известный английский юрист, советник правительства Японии и профессор Токийского Императорского университета, Генри Тэрри (1847–1936) в своём сочинении «Первые принципы права» даже заявлял, что «естественное право является разновидностью псевдоправа, которая привлекла к себе большое внимание юристов стран континентальной Европы, и была при этом источником немалой путаницы и неясностей в праве, равно как была она источником диких и глупых рассуждений и, к сожалению, столь же диких действий в политике этих стран» [Terry 1914, p. 134].

Иная ситуация наблюдалась по отношению к французскому праву, которое, начиная с эпохи революционных событий XVIII века, считалось подлинным воплощением духа естественного права. Идеям французских мыслителей эпохи Просвещения в Японии был оказан довольно радушный приём. Интерес японской публики к французской политической мысли был мотивирован не только общим стремлением японцев к новым академическим знаниям Запада. Важным катализатором широкого распространения либеральных идей на территории Страны восходящего солнца стала деятельность Движения за свободу и народные права (*Дзию: минкэн ундо:*), созданного в 1874 г. Ключевые фигуры данного общественно-политического движения, такие как Накаэ Тёмин (1847–1901), Ои Кэнтаро (1843–1922) и Уэки Эмори (1857–1892), находились под сильным влиянием французской политической мысли [Guinta, p. 31–32]. Популярными в Европе трактаты Жан-Жака Руссо (1712–1778) и Шарля Луи де Монтескьё (1689–1755), попав в руки молодых японских интеллектуалов, вскоре были переведены на японский язык, причём идеи Руссо привлекли к себе большее внимание местной аудитории. Именно поэтому для части либеральной общественности Японии европейская философия естественного права сводилась

преимущественно к идеям Руссо, изложенным в его знаменитом сочинении «Об общественном договоре или Принципы политического права» (1762 г.).

Как мы отметили в начале этого параграфа, основной путь распространения в Японии философии юснатурализма был связан с деятельностью французских преподавателей права, нанятых на службу японским правительством. Без сомнения, среди всех французских преподавателей наибольший вклад в дело распространения в Японии естественно-правовых идей внёс профессор Парижского юридического факультета Гюстав Буассонад де Фонтараби (1825–1910)¹. В 1873 г. он отправился на Дальний Восток по приглашению правительства Мэйдзи в качестве юридического советника и преподавателя французского права. Буассонад был одним из многочисленных иностранных специалистов (*оятои гайкокудзин*), которые во второй половине XIX века содействовали осуществлению модернизации японского государства и общества.

Приглашение Буассонада в Японию стало тем случайным событием, которое коренным образом изменило ход не только его академической карьеры, но и всей жизни. В 1873 г. чрезвычайный посланник Японии в Париже Самэджима Хисанобу² обратился с просьбой к своему знакомому ориенталисту Жюлю (Юлиусу) Молю (1800–1876) из Академии надписей и изящной словесности, чтобы тот посоветовал профессора, который мог бы прочитать курс лекций по французскому уголовному и конституционному праву группе молодых японских студентов, прибывших для обучения в Париж. Не имея в ближайшем окружении подходящих кандидатур, господин Моль переадресовал просьбу японского дипломата профессору Парижского юридического факультета Шарлю Жиро, который и предложил кандидатуру Буассонада [De La Mazelière 1911, p. 127]. Талантливый лектор произвёл неизгладимое впечатление на своих новых слушателей³, так что вскоре Буассонаду

¹ На фр. – Gustave Boissonade de Fontarabie; на яп. – ボアソナード, ギュスタヴ. При рождении был наречён именем Гюстав-Эмиль и до тридцати лет носил фамилию своей матери – Бутри, поскольку являлся внебрачным сыном французского учёного-эллиниста, выдающегося знатока греческой литературы, выходца из аристократической семьи Жана-Франсуа Буассонада де Фонтараби (1774–1857) и представительницы незнатного сословия – Марии-Розы-Анжелики Бутри. После запоздалого бракосочетания родителей в 1856 г. Гюстав был узаконен своим родным отцом, получив его фамилию и став таким образом Гюставом-Эмилем Буассонадом де Фонтараби.

Фотографии с изображением Гюстава Буассонада см.: 1) <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?search=Gustave+Boissonade&title=Special:MediaSearch&go=Go> (дата обращения: 21.05.2021); 2) Сайт Университета Мэйдзи. <https://www.meiji.ac.jp/cip/english/news/2018/enjsp30000009mh5.html> (дата обращения 21.05.2021); 3) Le bras de la justice français // Zoom. Japon. 2015. № 55. P. 10. [Электронный ресурс]. <https://zoomjapon.info/2015/11/archives-pdf/numero-55-novembre-2015/> (дата обращения 21.05.2021).

² В некоторых публикациях на европейских языках имя японского дипломата указывается как Самэсима Наонобу [Okubo 1981, p. 33].

³ В состав японской делегации, которая посещала парижские лекции Буассонада, входили Кисира Канэеси (Канэясу) (1837–1883), Кавадзи Тосиёси (1834–1879), Иноуэ Коваси (1844–1895), Цурута Акира (1836–1888), Цурута Хироси (1835–1888), Намура Тайдзо (1840–1907) и Имамура Кадзуро (1846–1891). По возвращении на родину они смогли занять важные государственные посты в высших правительственных и судебных учреждениях своей страны. В частности, Кисира стал первым президентом Верховного суда Японии. Кавадзи служил в столичной полиции Токио в должности генерального суперинтенданта. Цурута Акира занял пост генерального прокурора при Верховном суде, а также, будучи профессором права в Токийском университете, занимался преподавательской деятельностью. Особенных высот в построении успешной политической карьеры достиг Иноуэ Коваси, который стал одним из наиболее влиятельных чиновников эпохи Мэйдзи. В разные годы Иноуэ тесно сотрудничал с такими крупными политическими фигурами новой Японии, как Ито Хиробуми (1841–1909) и Ивакура Томоми (1825–1883). Он также являлся членом японского Сената (*Гэнро:ин*), участвовал вместе с немецким юридическим советником Германом Рёслером (1834–1894) в

поступило официальное предложение посетить Японию с тем, чтобы транслировать знания о западном праве непосредственно на территории архипелага. Положительный ответ был получен не сразу. Решение отправиться на Дальний Восток в чужую малознакомую страну, совершенно не зная японского языка, было непростым шагом для уже немолодого профессора (возраст Буассонада приближался к отметке в пятьдесят лет). Переезд в Японию означал не только временное отлучение от французской академической жизни, но и неизбежное разобщение с семьей, равно как и оставление устроенного парижского быта. Принимая в расчёт перечисленные трудности, Буассонад после обстоятельных переговоров с японским дипломатом всё-таки согласился.

К принятию предложения японских властей Буассонада, вероятнее всего, подтолкнули некоторые личные обстоятельства. Во-первых, к ним можно отнести трудности дальнейшего развития профессиональной карьеры во Франции. После ожидаемого поступления на службу на Факультет права в Париже в 1868 г., Буассонад формально так и не получил профессорской кафедры, и на протяжении пяти последующих лет он был вынужден довольствоваться позицией временно замещающего преподавателя по двум учебным курсам: уголовного права (вместо пожилого Жозефа Ортолана) и политической экономии (вместо избранного депутатом в Национальное собрание Ансельма Батби). Во-вторых, понимание Буассонадом перспектив применения своих компаративистских навыков в Японии, а также внутреннее желание способствовать распространению влияния французского права за пределами Европы могли стать дополнительным аргументом в пользу переезда. Немаловажным видится и вопрос финансового обеспечения. С этой точки зрения решение отправиться на Дальний Восток также оказалось оправданным. По итогам переговоров с японской стороной была согласована сумма годового дохода, значительно превосходившая размер довольствия, на которое Буассонад мог бы надеяться, оставшись для продолжения профессорской карьеры во Франции⁴.

Первый рабочий контракт Буассонада был рассчитан всего на три года, однако впоследствии он неоднократно продлевался по инициативе японской стороны, которая была удовлетворена результатами юридической работы французского профессора. В общей сложности Буассонад провёл в Японии более двадцати лет (1873–1895), что является одним из самых продолжительных периодов работы среди всех иностранных юридических советников, посетивших японский архипелаг в эпоху Мэйдзи. За всё это время Буассонад лишь однажды на полгода возвращался во Францию (в 1889 г.).

По многим показателям Буассонад являлся типичным иностранным специалистом, принятым на службу по линии японского Министерства юстиции для оказания консультационных услуг в вопросах проведения в Стране восходящего солнца правовых реформ. Вместе с тем поведение Буассонада часто выделяло его среди западных коллег.

составлении проекта конституции Мэйдзи, а чуть позже вошёл в рабочую группу по подготовке императорского рескрипта 1890 г. «о народном воспитании». В связи с этим представляется важным отметить, что ещё в период пребывания Коваси во Франции между ним и Буассонадом сложились добрые дружеские отношения. В то время, когда Буассонад находился в Японии и был всецело погружён в работу по составлению проектов отраслевых кодексов империи, именно Коваси стал тем необходимым «посредником», который доводил частные мнения Буассонада по правовым вопросам (*икэнсё*) до высокопоставленных членов правительства Мэйдзи.

⁴ Кроме того, значительная денежная сумма из полагавшейся оплаты была выдана единовременным платежом, так как на этом настаивал сам Буассонад во время переговоров.

В отличие от многих иностранцев, которые, оказавшись на архипелаге, быстро погружались в роскошную жизнь высокооплачиваемых *оятои гайкокудзин*, Буассонад воздерживался от разного рода излишеств и вёл довольно скромный образ жизни, уделяя большую часть своего повседневного времени юридической и преподавательской работе. Его мало волновали светские беседы и праздное общение с другими иностранцами, которые в те годы в избытке присутствовали среди жителей японской столицы. Будучи сосредоточенным на основной цели своего визита, Буассонад даже отклонил дружественное приглашение японских чиновников посетить светскую вечеринку в *Рокумэйкан* (павильон в западном стиле, один из символов политики вестернизации, открытый в Токио в 1873 г. для обеспечения социального общения между японцами и «людьми Запада») [Ikeda 1996, p. 2–3].

Практически сразу после прибытия в японскую столицу, Буассонад приступил к преподавательской работе в юридической школе *Мэйхо:рё:*⁵, организованной в 1872 г. при японском Министерстве юстиции. Его первая публичная лекция в правовой школе была посвящена проблеме естественного права. Наблюдая некоторую растерянность своих новых слушателей, Буассонад поспешил обозначить предмет читаемой вводной лекции: «Но вы спросите, какому праву нас будут учить, ведь старое право Японии исчезнет, а новое право ещё не обнародовано? Будьте уверены, имеется право, которое существует вне текстов, предшествует текстам; право, которое является кодексом самого законодателя – это естественное право» [Voissonade 1874, p. 512]. Позитивные законы, опубликованные для всеобщего сведения в каждой отдельно взятой стране, должны быть наиболее ясной, наиболее точной и наименее спорной формулой, переводящей язык естественного права на язык практического осуществления общечеловеческих ценностей. Естественное право, согласно Буассонаду, – это общие фундаментальные и универсальные принципы права, которые могут быть транслированы от народов, достигших значительных успехов в позитивном описании состояний естественного разума, к народам, которые далеки от завершения этого процесса. Признание за естественным правом универсального характера позволяло рассматривать его в качестве основы для набравшей обороты рецепции западного права и использовать при формировании национальных правовых институтов новой Японии. Естественное право было призвано устранить разительную пропасть между японской юридической традицией и западным правом.

Уже на первой лекции, прочитанной в Японии, Буассонад подтвердил свою приверженность методологии компаративизма. Считая французское право одним из лучших выражений идеи естественного права (из существовавших на тот момент вариантов), Буассонад позволял себе не только хвалебные отзывы о праве родной страны, но и критические замечания с указанием тех законодательств Запада, которые дали лучшие решения в сравнении с французским правом. Впоследствии Окубо Ясуо справедливо напишет, что курс естественного права, преподаваемый Буассонадом в юридической школе *Мэйхо:рё:*, в действительности был курсом французского права, с той лишь разницей, что он преподавался слушателям с учетом опыта и познаний Буассонада в области сравнительного законодательства [Okubo 1981, p. 37].

⁵ До 1875 г. правовая школа была известна под двумя различными названиями, и они оба использовались в официальных документах: *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё: хо:гакко:*. В мае 1875 г. правительство отказалось от использования первого названия.

Поскольку Буассонад совершенно не владел японским языком⁶, лекция о естественном праве и все последующие лекции, с которыми он выступал перед японской аудиторией, читались на французском языке, что предполагало постоянное присутствие на занятиях переводчика. Исторические источники свидетельствуют, что в ходе своих выступлений Буассонад часто интересовался, правильно ли переводчиком доведена его мысль до слушателей (на этот счёт общение Буассонада с переводчиками происходило и во время его подготовки к чтению лекций, чтобы исключить возможное недопонимание). Подобная щепетильность Буассонада имела под собой достаточные основания. Японские переводчики были довольно молоды и знали французский язык весьма несовершенно. Кроме того, как справедливо отметил другой французский *оятои гайкокудзин* Жорж-Виктор Аппер (1850–1934), «мы можем перевести только то, что правильно понимаем». Но в те годы в японском языке ещё не была выработана подходящая понятийная система, которая с лёгкостью позволила бы на нём выразить западную юридическую терминологию. Большинство юридико-технических терминов отсутствовало в японском языке, а соответствующие идеи и принципы западного права были чужды народам Дальнего Востока [Appert 1896, p. 522].

Спустя несколько лет после первого выступления Буассонада в школе *Мэйхо:рё:* его лекции были изданы на японском языке в виде учебника по теории естественного права. Известно о нескольких опубликованных версиях от разных составителей. Первым считается издание 1878 г., подготовленное одним из учеников Буассонада – Иноуэ Мисао (1848–1905). В 1882 г. им же было опубликовано второе издание лекций с некоторыми изменениями по сравнению с первоначальной редакцией. Обе публикации осуществлялись под эгидой Министерства юстиции Японии. В этих изданиях для перевода термина «естественное право» японским эквивалентом послужило слово *сэйхо:* (*seihō*). Используя подобный перевод, Иноуэ Мисао хотел провести различия между «природой» в физическом смысле (обозначаемой словом *сидзэн*) и метафизической природой (*сэй*). Третий вариант лекций Буассонада был подготовлен Сэкигути Ютака и отличался тем, что для перевода термина «естественное право» переводчиком было использовано словосочетание *сидзэн хо:*, где слово *сидзэн*⁷ было прямым переводом французского слова *naturel* (естественное). Ещё одна версия лекций была представлена видным японским юристом Исобэ Сиро (1851–1923) и опубликована при содействии Университета Мэйдзи (без указания года издания) [Ikeda 1996, p. 97].

Во время лекций Буассонад обращал внимание японских студентов на практическую значимость проблемы естественного права. С одной стороны, естественное право может обеспечить правовую основу решений судов в условиях недостаточности и неопределённости национального законодательства и местных обычаев, так что такая практика позволит судам избегать нарушений, связанных с отказом в правосудии по

⁶ Примечателен тот факт, что за годы, проведённые в Стране восходящего солнца (1873–1895), Буассонад так и не выучил японский язык и, судя по свидетельствам современников, не прилагал в этом направлении надлежащих усилий.

⁷ Слово *сидзэн*, по всей видимости, не следует считать неологизмом, «изобретением» японских переводчиков XIX века. Идея естественного порядка, обозначаемого как *shizen*, до реставрации Мэйдзи уже была предметом философских обобщений в работах отдельных мыслителей эпохи Эдо. Примером может послужить творчество Андо Сёэки (1703–1762) – оригинального японского натурфилософа XVIII века, радикального критика феодализма. Однако использование слова *сидзэн* в те времена ограничивалось сферой натурфилософии, но не права.

поступившим на рассмотрение спорам. С другой стороны, естественное право выступает опорой Японии в вопросах восстановления её международного положения и полноправной автономии в отношениях с западными державами. По мнению Буассонада, требования японцев о пересмотре неравноправных Ансэйских договоров не могли быть обоснованы нормами международного позитивного права. Только в силу требований справедливости и разумности (как основополагающих начал международного естественного права) Япония имела возможность ставить данный вопрос перед сообществом цивилизованных наций. Буассонад также подчёркивал, что понятие *сидзэн хо*: ещё не изучалось в Японии доктринально, научно, хотя оно уже было известно в определенных кругах в качестве необходимой основы всего письменного законодательства.

Основу концепции Буассонада о естественном праве составили правовые воззрения античных мыслителей, включая Платона, Аристотеля, стоиков, а также некоторые идеи средневековой схоластической философии (Фома Аквинский), естественно-правовых и гуманистических учений Нового времени (Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704), Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755), Жан-Этьен Мари Порталис (1746–1807) и др.). В частности, Буассонад нередко ссылаясь на выражение известного христианского оратора Боссюэ о том, что «право – это не что иное, как сам разум, признаваемый согласием всех».

Ещё большее влияние на правовую мысль Буассонада оказали учения римских юристов, в особенности Цицерона (*Marcus Tullius Cicero*, 106–43 до нашей эры) и Ульпиана (*Domitius Ulpianus*, 170–228). Буассонад полагал, что лучшее определение права принадлежит Ульпиану и заключено оно в известном изречении римского гения «*Jus est ars boni et aequi*» (в пер. с лат. – «Право есть искусство добра и справедливости»). Опираясь на наследие римской юриспруденции, Буассонад приходил к выводу, что всё естественное право может быть заключено в одной общей формуле: «не причиняй никому вреда». Излишняя краткость правила не должна вводить в заблуждение, поскольку в этих четырёх словах скрывается множество «социальных обязанностей», как то: уважать чужую собственность, поскольку она является результатом труда определённых лиц или труда их родителей; уважать свободу труда; уважать честь и чувства других лиц; возвращать каждому своё; возмещать ущерб здоровью, имуществу, репутации, причинённый злонамеренно либо по неосторожности [Voissonade 1874, p. 523].

Естественное право, согласно воззрениям Буассонада, образует фундамент всего права: оно вдохновляет и вызывает к жизни как частное, так и публичное право. Гражданское и торговое законодательство не могут иметь иной справедливой, рациональной и прочной основы, чем право естественное. В публичном праве естественно-правовые начала отчётливо присутствуют в уголовном и административном праве.

В вопросе соотношения естественного и позитивного права Буассонад придерживался взглядов, характерных для многих представителей классического юснатурализма. Ссылаясь на фрагменты Дигест, изречения Боссюэ, Монтескьё, а также Конфуция, Буассонад пытался привить японским студентам понимание приоритета естественного права по отношению к изданным законам государства. Сообщаемый смысл был предельно прост: позитивное право должно представлять собой эманацию естественного права; законы государства должны быть не чем иным, как переводом на человеческий язык высших требований разума и справедливости. Буассонад признавал, что в реальной жизни имеется немало примеров существования несовершенных, а иногда и недопустимых законов, которые не

соответствуют обозначенным выше естественным требованиям. Однако Буассонад предостерегал от возможного скатывания общества к власти беззакония по причине отсутствия достойных законов. Буассонад обращался к юристам, полагая, что их высшая обязанность перед обществом заключается в том, чтобы корректировать и подновлять корпус позитивного права в соответствии с идеалами права естественного. Задача же судей заключается в том, чтобы применять законы в соответствии с их духом, избегая нерациональных и несправедливых решений, то есть судить, не ограничиваясь исключительно «буквой» закона.

В контексте исследования естественно-правовых взглядов Буассонада необходимо обратиться к его общефилософским рассуждениям о природе человека (о том, какие начала преобладают в человеке в силу его природного естества). В период пребывания Буассонада на Дальнем Востоке он ответил на множество вопросов, которые адресовались ему представителями японской политической элиты. Лидеры Мэйдзи хотели получить комментарии Буассонада не только по вопросам, непосредственно затрагивающим изменение правового уклада жизни японского общества, но и по некоторым общефилософским и мировоззренческим проблемам. В 1892 г. один из таких ответов Буассонада был опубликован в *Revue française du Japon*. Прежде всего, Буассонад отметил, что вопрос о естественной добродетели человека возник в китайской философии, но впоследствии он часто становился предметом обсуждения в японской литературе. Предшествующая история мысли не смогла дать однозначный ответ на поставленный вопрос и ограничилась выработкой трёх взаимоисключающих позиций: 1) человек от природы добр, а плохие люди являются исключением из общего правила; 2) человек от природы является злым, и хорошие люди, будучи редким исключением, составляют меньшинство населения; 3) по природе человек не является ни плохим, ни хорошим, а становится тем или иным в зависимости от образования, примеров для подражания или социальной среды, в которой он воспитывался. Буассонад полагал, что ни одно из указанных решений не претендует на то, чтобы быть универсальным, способным отвечать за всё человечество и человека в целом, поскольку все люди разные. Собственные воззрения Буассонада отличались абсолютной верой в естественную добродетель человека, что позволяет именовать философию Буассонада философией гуманизма. В частности, Буассонад писал, что «человек, взятый в общем [абстрактно], по природе добр, и, несмотря на жизненные испытания, чаще всего человек остается добрым [хорошим], чем становится плохим» [Voissonade 1892, p. 73].

Буассонад разделял идею о детерминизме человеческого поведения, поскольку он верил в исправляющую и корректирующую силу окружения, признавая особую заслугу в формировании личностных качеств каждого отдельно взятого индивида той социальной среды, в которой оттачивались грани его характера. Будучи в почтенном возрасте и имея значительный жизненный опыт, Буассонад указывал, что даже плохой (по природе) человек, когда он находится в благоприятных условиях жизни, нередко приближается в основных чертах своего характера к хорошему (доброму) человеку.

Как сторонник идеи гуманизма, Буассонад был убежден, что прогресс человеческой цивилизации не исчерпывается только вопросами распространения идеалов абсолютной справедливости, но требует распространения добра в отношениях между людьми [De La Mazelière 1911, p. 129]. «У человека, – писал Буассонад, – имеются два мощных естественных руководства, которые могут направлять его к хорошему и отвлечь от зла: его

разум и его сердце. Эти два руководства соединены в религии, в вере в Бога, в Высшие силы, которые единственно обладают секретом примирения абсолютной справедливости с добротой» [Boissonade 1892, p. 72]. Жизненная позиция Буассонада находила явное подтверждение в его благородных поступках. Буассонад неоднократно направлял денежные пожертвования в пользу бедных и тех, кто лишился своего имущества в результате стихийных бедствий. Сохранились некоторые сведения об одном из таких эпизодов, основанные на воспоминаниях горничной, работавшей в доме Буассонада в период его пребывания в Японии. Когда в 1888 г. в префектуре Фукусима произошло крупнейшее в новейшей истории Японии извержение вулкана Бандай, Буассонад отказался от части своего жалования, чтобы оказать посильную помощь пострадавшим. Также он осудил поведение людей, которые, желая удовлетворить свое праздное любопытство, совершали поездки в пострадавшие районы, чтобы своими глазами увидеть масштабы природной катастрофы [Ikeda 1996, p. 24–25]. Гуманизм воззрений Буассонада проявился также в его консультациях, оказанных правительственным учреждениям Мэйдзи. Буассонад был одним из немногих иностранцев, кто всерьёз заинтересовался правовым и политическим положением рабочих в Японии [Boissonade 1892, p. 309–320]. В качестве юридического советника Буассонад призывал правительство Мэйдзи принять необходимые меры для улучшения условий труда и жизни японских рабочих.

В 1892 г., на правах бывшего учителя, Буассонад направил напутственное письмо новым японским адвокатам – выпускникам Токийской франко-японской юридической школы (*Вафуцу хо:рицу гакко:*). В письме, которое составлено в дружеском тоне, умудрённый опытом профессор обозначил основные принципы осуществления адвокатской деятельности. Буассонад советовал молодым японским юристам соблюдать лояльность по отношению к «противнику» и строгую честность в отношениях с клиентом-доверителем; не гнаться исключительно за материальной выгодой и посвящать себя, по мере возможности, защите бедных и обездоленных, единственной платой которых могла быть только их искренняя благодарность. «Чтобы стать лучшим помощником правосудия, – говорил Буассонад, – адвокату требуется проявить три ключевых качества: хорошее знание юридической науки, отточенное в спорах красноречие, а также праведность» [Boissonade 1892, I (1), p. 29].

Важно отметить, что общефилософские взгляды Буассонада предопределили его активную позицию по вопросу реформирования уголовного права Японии, что отразилось в его упорных усилиях по гуманизации системы наказаний и подавлению варварской системы пыток, которые активно практиковались в японском уголовном процессе как до, так и после реставрации Мэйдзи. Применение пыток было связано со старой правовой традицией, согласно которой собственное признание обвиняемого считалось необходимым условием (лат. *sine qua non*) доказательства совершения преступления. Применение пыток как средства получения признательных показаний обвиняемых было ограничено ещё в 1874 г. За два года до этого были запрещены пытки при расследовании гражданских дел. Законом от 10 июня 1876 г. судьям было предоставлено право признавать виновными в совершении преступлений лиц в отсутствие их признания, то есть была отменена предпочтительность признания по отношению к иным доказательствам виновности подсудимого. Окончательно пытки были отменены официальным законом только в октябре 1879 г. [Еремин 2010, с. 187]. В этом была огромная заслуга гуманиста Буассонада. Став однажды свидетелем подобного

бесчеловечного обращения – использования к одному из подследственных лиц распространенной в Японии пытки *«исидакки»*⁸, Буассонад заявил решительный протест и потребовал немедленно прекратить это ужасающее своей жестокостью действие. Однако увещания старого профессора не возымели успеха. Буквально на следующий день после увиденного Буассонад направил официальное письмо министру юстиции Оки Такато (1832–1899) с требованием полного запрета недостойных, варварских методов дознания. В своём донесении Буассонад указал на возможный отказ от дальнейшего сотрудничества с японскими властями, если его требования не будут удовлетворены, а пытки будут и далее сохраняться в системе средств уголовной репрессии.

Спустя месяц после первого эмоционального письма Буассонад направил новый меморандум, в котором он подробно и последовательно разъяснил причины, требовавшие безотлагательной отмены пыток на территории Японии. В частности, Буассонад перечислил четыре обстоятельства, делающие такое варварское средство доказывания совершенно неприемлемым. Во-первых, пытки являются формой унижающего обращения, а их применение зачастую сопряжено со смертельными страданиями для лиц, которые ещё не признаны виновными в совершении преступления. Во-вторых, применение пыток явно противоречит естественному праву и принципу абсолютной справедливости, поскольку оно является несовместимым с естественным правом обвиняемого на защиту. В-третьих, применение пыток противоречит требованиям чистого разума, потому что оно «отнимает» у собственного признания обвиняемого то, что составляет его естественную доказательную силу, а именно – свободу воли. В-четвертых, использование пыток в уголовном процессе наносит урон достоинству и интересам самой Японии и может навредить делу упрочения её международного и дипломатического статуса. Сохранение в системе средств уголовного доказывания такого варварского пережитка как пытки, является непреодолимым препятствием на пути к отмене экстерриториальных привилегий западных стран [Okubo 1981, p. 40], которые те приобрели по условиям Ансэйских договоров (*Ансэй дзё:яку*) и к отмене которых Япония стремилась всеми доступными средствами.

В области японского уголовного права Буассонад стремился к установлению системы умеренных наказаний и отказу от такого понятия наказания, которое было бы близко к идее мести, возмездия. Буассонад полагал, что основной целью уголовного права является социальная защита, и она достигается не путем устрашения преступников, но через систему средств воспитательного воздействия и ресоциализации. Стоит отметить, что не все идеи Буассонада получали поддержку и были реализованы на практике: его предложения об отмене смертной казни за политические преступления или о введении суда присяжных в уголовном процессе так и не были одобрены японским законодателем.

Буассонад выступал против гипотезы классического юснатурализма о так называемом естественном состоянии человека, то есть таком состоянии, когда человек жил изолированно, имея контакты, взаимодействия только в узком кругу своей семьи, да и то

⁸ *Исидаки* («каменные объятия» или «каменная кладка») – вид пыток, при котором обвиняемого со связанными за спиной руками усаживали, согнув ему ноги в коленях, на остроконечные деревянные брусья, а затем укладывали сверху на ноги тяжелые каменные плиты, тем самым сдавливая ноги и причиняя лицу, в отношении которого проводилась пытка, нестерпимые страдания. Если подвергаемое пытке лицо выдерживало нагрузку установленной плиты и не сознавалось в содеянном злодеянии, поочередно добавлялись дополнительные плиты, тем самым утяжеляя общий вес всей конструкции.

лишь в тех вопросах, которые касались поддержания собственной жизнедеятельности. Такое состояние уподобляло человека большинству представителей животного мира, и Буассонад открыто заявлял, что оно не является естественным для человека, поскольку «человек, живущий один, является выдумкой, – это химерический, воображаемый одиночка, которого никто из нас не встречал» [Boissonade 1874, p. 516]. Развитие человеческого общества Буассонад связывал с социальной и коммуникативной природой человека, который имеет непреходящую потребность жить в обществе себе подобных. Именно социальная природа человека определила важнейшие аккорды всего хода исторической эволюции: «изначально разобщенные семьи объединялись и образовывали племена, из объединенных племён впоследствии формировались нации, и, наконец, затем сами нации, пересекая горы и преодолевая значительные морские пространства и преграды, сближались друг с другом, обменивались продуктами, взаимодействовали на почве промышленных и научных достижений, постепенно расширив сферу своего общения до заимствования опыта законодательного регулирования» [Boissonade 1874, p. 515]. Буассонад был последователен в отстаивании своих взглядов. Он верил, что только живущий в обществе человек нуждается в праве, то есть в правиле поведения, определяемом внешним императивом. Права и обязанности, отличные от морального или религиозного горизонта должностования, возникают в сфере социального общения людей и не обходятся без механизмов внешнего принуждения.

Факт социального сосуществования и взаимодействия даёт индивидам глубоко внутреннее понимание основных прав и обязанностей, прав одних лиц по отношению к другим. Однако Буассонад полагал, что разум, который раскрывает нам эти права и обязанности, не одинаково проявлен у всех людей: требования сознания, которые являются собственно первой (внутренней) санкцией всякого человека, слишком часто могут быть спутаны и подавлены алчностью или же введены в заблуждение чувствами. В этом пункте отстаиваемого учения Буассонад, по всей видимости, сближается с философией некоторых величайших учителей естественного права, в особенности Т. Гоббса – одного из крупнейших представителей классической школы. Напомним, что в сочинении «Левиафан» Гоббс отметил практическую неспособность естественного права выступить средством непосредственного упорядочения отношений между индивидами, поскольку само содержание такого права каждым из них понимается по-своему. Путаница, связанная с неопределенностью естественного права, устраняется установлением чётких норм поведения в законах суверена: «... при различиях, имеющихся между отдельными людьми, только приказания государства могут установить, что есть беспристрастие, справедливость и добродетель, и сделать все эти правила поведения обязательными, и только государство может установить наказание за их неисполнение...» [Гоббс 1991, с. 207].

Также Буассонад указывал, что по мере цивилизационного развития народов возникающие в обществах конфликты интересов становятся всё более многочисленными, наблюдается их усложнение. С развитием государства, разрастанием государственного аппарата и расширением государственных функций растёт число взаимодействий, а стало быть, и возможных противоречий между государством и индивидами. В практической плоскости, когда речь идёт о том, чтобы применить принципы естественного права к вполне конкретным жизненным ситуациям, возникшим на почве конфликта интересов, требуются чёткие правила, позволяющие судам проводить в жизнь требования справедливости. В

отсутствие единых юридических правил и точного текста, обнародованного властью, создается благоприятная ситуация для проявления судейского произвола [Boissonade 1874, p. 508]. Вместе с тем естественное право является абстрактной и метафизической теорией. «Специфика ценностной сущности естественного права состоит в том, что это право ни при каких условиях не может быть регулятором конкретных общественных отношений, поскольку не содержит в себе правовые нормы с их чёткими поведенческими предписаниями» [Працко 2020, с. 32]. С восхищением Буассонад принимал формулу графа де Мирабо (политический деятель времен Великой Французской революции), согласно которой право сравнивалось с молнией, сильным озарением, испускающим скорее блики, чем постоянный свет. Именно поэтому, согласно Буассонаду, законодатель имеет полное право на то, чтобы вмешиваться в регулирование поведения индивидов путём осуществления правотворческих прерогатив. От законодателя требуется посвятить себя поиску чистого разума и абсолютной справедливости, которые должны быть соединены с устремлениями и потребностями нации на основе учёта нравственных, социальных и экономических условий, в которых пребывает страна [Boissonade 1874, p. 512, 521]. Принимая в расчёт все перечисленные факторы, законодатель составляет и обнародует точные правила, регламентирующие права и обязанности граждан между собой и в их отношениях с государством. В отличие от внутренних убеждений, которые ограничиваются «санкцией индивидуального сознания», эти правила направлены на защиту интересов общества и граждан, и потому они обеспечиваются внешней принудительной санкцией, которая может быть проявлена по отношению к правонарушителю.

Буассонад допускал, что осуществляющий правотворчество законодатель может ошибаться, но он всегда имеет возможность исправить своё прежнее решение, проголосовав за принятие новой правовой нормы или акта. В этом аспекте цель новых законов видится Буассонаду в исправлении пробелов, недостатков и прочих упущений старых законов. Таким образом обеспечивается прогресс законодательства. В вопросах развития позитивного права огромную роль играет не только юридическая наука, которая может указать на имеющиеся недостатки законов. По мнению Буассонада, не меньшую силу в современных обществах приобретают общественное мнение и пресса: рано или поздно своим влиянием они могут добиться удовлетворения выдвигаемых пожеланий и исправления действующих законов в соответствии с требованиями разумности, справедливости и социальной полезности.

Буассонад был убежден, что естественное право должно стать руководящей идеей законодателя. Устанавливая запреты, осуществляя императивное регулирование, законодатель всегда должен стремиться к отражению в законе положений, которые были бы справедливыми, разумными и полезными для общества в целом. Задача по определению и закреплению в нормах позитивного права требований естественного разума является не только сложной в своём осуществлении, но и практически недостижимой. Буассонад отметил, что ни в одной стране мира данная работа никогда не была завершена, и нигде и никогда она не будет завершена в силу двух основных причин. Первую можно кратко обозначить формулой «нет предела совершенству», что означает недостижимость для человечества совершенно идеального порядка (в вопросах нравственного и интеллектуального порядка трудности определения идеала являются не менее ощутимыми, чем в мире материальных вещей). Вторая причина, по мнению Буассонада, обусловлена самим ходом исторического развития: народы мира постоянно меняются; в разные

хронологические периоды отдельные народы испытывают фазы роста и развития, иногда они подвергаются значительным испытаниям, которые могут угрожать самому их существованию, однако часто за падениями следуют подъёмы и новый рост. «Законы, – констатировал в связи с этим Буассонад, – следуют за данными изменениями... Поэтому неподвижность и отдых для законодателя невозможны: чаще всего, он должен лишь наблюдать за ходом идей, не подгоняя своими действиями прогресс; в других случаях он должен проявить мудрость и выступить с необходимой инициативой; законодатель всегда должен стремиться к исправлению нравов общества, когда они могут развратить нацию и угрожать ей гибелью» [Voissonade 1874, p. 514].

Требования справедливости, разумности и социальной полезности имеют между собой теснейшую связь, так что несоблюдение хотя бы одного из них устраняет всякую ценность изданного правотворческим органом акта. Несправедливый закон нельзя признать разумным и полезным для общества, равно как необоснованный или противоречащий интересам страны закон не вызовет необходимого одобрения у людей, которые, вероятнее всего, сочтут его несправедливым. Естественное право, понимаемое таким образом, становится единственно возможной базой для критики позитивного законодательства. Когда в начале 1890-х гг. в Японии разгорелся спор о возможности принятия проекта Гражданского кодекса⁹, Буассонад столкнулся с резкой критикой со стороны консервативных кругов японской политической элиты и некоторых японских юристов – противников французского влияния (Ходзуми Яцука, Ходзуми Нобусигэ и др.). Отвечая на обвинения в адрес подготовленного проекта, Буассонад отметил, что любая оценка закона допустима только с позиций его противоречия естественному праву, но никак не с позиции личных интересов или профессиональных предрасположенностей.

История развития правовой мысли показала, что одной из слабых сторон теорий естественного права была трудность отграничения такого права от морали. Вопрос оказался настолько деликатным, что со времен Античности и до Нового времени наблюдалось заметное разобщение в доктринах различных мыслителей. Своё видение вопроса представил и Буассонад. Он попытался дать точный критерий отграничения нравственного долженствования от долженствования правового. По его мнению, мораль является несомненно широкой областью жизненной перспективы, и как таковая она включает в себя естественное право. Но мораль шире естественного права, так как последнее, по словам Буассонада, ограничивается наставлениями справедливости, которые непосредственно связаны с сохранением социального состояния и его развитием, в то время как нравственные заповеди нацелены на удержание и развитие индивидуальной личности в рамках добра [A French... 1875, p. 124]. Таким образом, предписания, взывающие и направляющие индивида к личностному совершенствованию, относятся к сфере морали. Если же предписывающее или запрещающее нравственное правило стремится к сохранению социального состояния, то оно приобретает правовой характер, является одновременно частью и права, и морали.

Идеи Буассонада о естественном праве получили широкий отклик у японской аудитории. Некоторые молодые юристы, посещавшие уроки Буассонада в министерской школе *Мэйхо:рё:* или Токийском Императорском университете, или же в частных

⁹ Основу проекта Гражданского кодекса составили положения «проекта Буассонада», за исключением разделов по семейному и наследственному праву, которые были подготовлены японскими правоведом Кумано Тосидзо: (1854–1899) и Исобэ Сиро: (1851–1923) с учётом национальных особенностей страны.

юридических школах (*Мэйдзи*, *Вафуцу*), восприняли французский гражданский кодекс не как продукт национального творчества французского парламента, но как воплощение собственно естественного права, как модель такого цивилизованного права, которое может стать хорошим приобретением для японской юриспруденции¹⁰.

Многим японцам идея естественного права пришлась по душе в силу нравственных и этических ориентиров, поскольку она напоминала им характерную для конфуцианства концепцию «небесного пути». Для членов высшей политической элиты, сплотившейся вокруг императора Мэйдзи, определяющее значение могло иметь соответствие западной доктрины естественного права положениям императорской клятвы от 6 апреля 1868 г. (*гокадзэ: госэймон*), известной в истории как клятва пяти пунктов. В пункте 4 императорской клятвы закреплялось, что отныне все управленческие действия в государстве будут осуществляться в согласии с принципами Неба и Земли, «что обычно понимается как справедливое управление в соответствии с законами» [Мещеряков 2018, с. 364], или иначе, «в соответствии с принципами, принятыми во всем мире» [Тояма 1959, с. 231], сообразно «законам природы» [Теймс 2009, с. 178].

Вместе с тем в Японии было немало противников признания идеи естественного права (*сидзэн хо:*) и естественных прав человека (*тэмпу-но дзинкэн*). Выступая с консервативных позиций, они отмечали, что все права японцев производны от высшей власти Императора и, как таковые, не могут существовать до издания им соответствующих указов о даровании тех или иных вольностей народу. Над властью микадо, – упорствовали они¹¹, – не может стоять никакой иной высшей власти, так что все попытки обоснования естественного права, проистекающего из какого-либо трансцендентального источника или авторитета, воспринимались ими как прямое выступление против политических прерогатив полновластного *Тэнно:*. В определенной степени консерватизм противников *jus naturale* был связан не только с их опасениями за будущее Японии (они считали, что обустройство Японии по канонам западного мира грозит стране уничтожением японской идентичности и неминуемо приведёт к потере политической самостоятельности государства), но и их собственными страхами потерять политическое влияние в сложившейся властной иерархии.

В 1893 г. в торжественной речи по случаю вручения дипломов выпускникам юридической школы *Вафуцу хо:рицу гакко:*, Буассонад в очередной раз выступил в защиту идеи естественного права и постарался дать разъяснения по вопросу соотношения естественного права и политических прерогатив японского императора. Он отметил, что когда «речь идёт о политических правах японцев, то следует признать верным утверждение о высшей власти *Тэнно:* даровать соответствующие вольности народу». Японцы «... имеют только те политические права, которые предоставлены им имперской конституцией (*Мэйдзи Кэмпо:*)» [Boissonade 1893, p. 384], – констатировал Буассонад. Иным образом дело обстоит в сфере частного права. Чтобы утвердить слушателей в высказанной позиции, Буассонад

¹⁰ Например, Кисимото Тацуо (1851–1912), Мияги Ко:дзо: (1852–1893), Ясиро Мисао (1852–1892), Иноуэ Мисао (1848–1905) и др.

¹¹ К противникам идеи естественного права можно отнести японских сторонников немецкой исторической школы права и школы английского права, в частности, известных юристов Ходзуми Нобусигэ (1855–1926) и Ходзуми Яцука (1860–1912). «Постулируя божественное происхождение императорского дома, братья Ходзуми фактически выводили его за рамки права: следуя традиционным концепциям “почитания императора”, видели в нём не “Сына Неба”, но “Само Небо”, то есть источник права, а не его объект» [Молодяков 2014, с. 156–157].

предварительно обратился к традиционному источнику японского права – местным обычаям. «Местные обычаи, – говорил Буассонад, – из которых выросло всё семейное и наследственное право, никоим образом, прямо либо косвенно, не являлись следствием реализации власти Императора; они появились не по его инициативе и не получали его санкции. Следовательно, необходимо признать, что данные обычаи были установлены под влиянием того, что ваши отцы сочли Справедливым, Разумным и Полезным для сохранения и процветания семей» [Boissonade 1893, p. 384]. И далее Буассонад подчеркнул, что справедливость, разумность и социальная полезность – это не что иное, как имманентные начала самого естественного права. При этом французский профессор считал, что справедливость и истина носят универсальный и неизменный характер, в то время как соображения полезности изменяются во времени и пространстве.

Идея естественного права всецело доминировала в мысли Буассонада, что не могло не отразиться на его практической работе в качестве юридического советника и преподавателя французского права. Ещё в 1875 г. Государственным советом (Дадзё:кан) был принят декрет № 103¹² об организационных моментах правосудия и источниках японского частного права. В статье 3 данного документа закреплялась возможность для японских судей, рассматривавших гражданские дела, в отсутствие подходящей для разрешения спора нормы закона, выносить решения, руководствуясь нормами обычного права, а при их отсутствии – разрешать дела на основе обращения к «*дзё:ри*»¹³ [Bölicke 1996, p. 7–18; Röhl 1996, p. 67–71]. По мнению некоторых компаративистов, термином «*дзё:ри*» японский законодатель, в сущности, обозначил те правовые явления, которые в европейском континентальном праве были известны под именем «естественное право» [Noda 1976, p. 222–223]. Иной точки зрения придерживается профессор сравнительного права Уве Кишель. Он полагает, что термин «*дзё:ри*» вряд ли может быть однозначно описан с использованием словосочетаний «природа вещей», «естественный разум» и аналогичных им, поскольку в этом термине сочетаются идеи о юридическом толковании, источниках права, публичном порядке, судебном заполнении пробелов в праве, – то есть те идеи, которые в западной правовой мысли отражаются в самостоятельных правовых категориях [Kischel 2019, p. 12].

В юридической литературе также высказана гипотеза, что идейным вдохновителем при составлении статьи 3 декрета № 103 мог быть Гюстав Буассонад [Sugiyama 1934, p. 447], который ко времени принятия документа не только обучал японских студентов в юридической школе при Министерстве юстиции, но также читал лекции по французскому праву для представителей политической элиты Мэйдзи. Кроме того, после успешных консультаций японской делегации на переговорах с Китаем по случаю Тайваньского

¹² В историко-правовой литературе также встречаются иные наименования вида данного акта: «указ Госсовета», «закон Дадзё:кана». Расхождения в терминологии связаны с тем обстоятельством, что в обозначенный период в Японии отсутствовала чёткая система разделения властей.

¹³ На японском языке – 条理. В публикациях на европейских языках встречаются различные транслитерации термина на латинице, как то: *jōri*; *jōri*; *jory*; *jyori*. Перевод данного термина с японского языка также отличается у разных авторов. Помимо наиболее распространённого перевода в значении «разум», можно встретить интерпретации в значении «естественный разум», «природа вещей», «общие принципы права», «разумность и справедливость», «здравый смысл». Подробнее о происхождении и юридическом значении *dzē:ri* в японском праве эпохи Мэйдзи см. в исследованиях немецких ученых Т. Бёличке [Bölicke] и В. Рёля [Röhl].

инцидента 1874 г., Буассонад быстро завоевал уважение многих высокопоставленных чиновников имперского правительства (Окубо Тосимити (1830–1878) и др.).

С другой стороны, Исида Минори выразил сомнение, что статья 3 декрета Дадзэ:кана, закрепившая положение об иерархии источников частного права, задумывалась её разработчиками как воплощение теории естественного права, согласно которой использование обычаев и разума позволило бы бороться с недостатками позитивного права. Исида утверждал, что японские законодатели руководствовались, прежде всего, прагматическими соображениями: необходимостью разгрузить судебную систему до проведения всеобъемлющей кодификации гражданского права. В отсутствие стройной системы законодательства и нехватки судебных специалистов правительство Мэйдзи активно продвигало идею арбитража. «Ожидалось, что судебные разбирательства на основе обычаев и разума будут способствовать примирению и вынесению судебных решений на основе арбитража» [Seong-Nak Kim 2014, p. 63].

В наиболее оформленном виде естественно-правовые взгляды Буассонада отразились в проектах кодексов Японской империи, подготовленных по поручению правительства Мэйдзи. Разработанный Буассонадом проект Гражданского кодекса стал подлинным воплощением исповедуемых им естественно-правовых принципов. Известно, что основой для составления положений Проекта послужил Кодекс Наполеона 1804 г., который в XIX веке считался лучшим примером кодификации, последовавшей за теорией естественного права. Вера Буассонада в существование естественных прав личности отчётливо проявилась в статьях Проекта, посвящённых наследованию. Приведём один весьма показательный пример. Так, ст. 250 кодекса Буассонада, вопреки установленному в Японии обычаю мужской примогенитуры, позволяла не только старшим сыновьям становиться главой семьи и наследовать имущество родителей. В обоснование своей позиции Буассонад писал, что «наследование имущества родителей является естественным правом ребенка. Однако, когда детей более одного, наследование становится сложной проблемой. Обычай, по которому старший сын наделяется абсолютным правом унаследовать собственность своих родителей, не соответствует естественному праву. Для родителей естественно любить всех своих детей одинаково» [Keda 1996, p. 235]. 5 мая 1887 г. Буассонад выступил с отдельной речью по вопросу о праве первородства, в которой он вновь указал на несоответствие правила примогенитуры идее естественного права. «Первородство не является рациональной [основанной на разуме] системой, оно не должно давать никаких преимуществ в вопросах наследования» [Keda 1996, p. 235], – заключил Буассонад. Однако предложенная Буассонадом система множественности наследников осталась лишь частью его собственного («неофициального») проекта. Официальный проект Гражданского кодекса¹⁴, представленный на итоговое рассмотрение японского парламента, сохранил правило мужской примогенитуры в качестве исходного начала японского семейного и наследственного права.

Проект Гражданского кодекса, основанный на Проекте Буассонада, по итогам горячих споров и дискуссий (известных в истории под названием «ссоры из-за кодекса») так и не был

¹⁴ Ввиду сильного влияния идей Буассонада этот официальный проект в научной литературе часто именуют «кодексом Буассонада» или «старым Гражданским кодексом». Таким образом, повторимся, что существовало два опубликованных Проекта: авторский проект Буассонада [Boissonade, 2 éd. 1882–1888] и основанный на нём официальный проект Гражданского кодекса, прошедший множество обсуждений и корректировок до того, как он был вынесен на голосование в парламенте.

одобрен японским законодателем. Тот факт, что составлением разделов (книг) Проекта «о лицах», «о семье» и «о наследовании» занимались японские юристы¹⁵, сохранившие в тексте традиционные японские институты, не смог предпринять дальнейшую юридическую судьбу всего кодекса. Реакционная волна, которая поднялась в преддверии его принятия, объединила под своими знамёнами не только идейных противников или личных оппонентов Буассонада, но и всех тех, кто выступал против французского юридического влияния. Основу оппозиции составили сторонники английского права¹⁶, которое преподавалось в двух известных учебных заведениях: Императорском университете (*Тэйкоку дайгаку*)¹⁷ и частной школе английского права (*То:кё: хо:гакуин*)¹⁸. Против кодекса Буассонада выступили и адепты немецкой исторической школы права (*рэкиси хо:гаку*), которая постепенно увлекала в ряды сторонников всё новых японских юристов¹⁹. Сумев заручиться поддержкой императора Японии, противники кодекса Буассонада сделали невозможной промульгацию подготовленного на его основе официального проекта ни в аутентичной форме, ни в каком-либо скорректированном виде. Широкая общественность потребовала разработки нового гражданского кодекса с учётом национальных традиций страны и пожелала, чтобы выполнение этого важного мероприятия было поручено японским юристам.

Спор по поводу Гражданского кодекса Буассонада стал для консервативных кругов японской политической элиты отличным шансом не только сохранить в действии традиционную патриархальную систему домохозяйств – «*иэ*» (в переводе с яп. 家 – дом), но и укрепить эту систему раз и навсегда в качестве краеугольного камня единства всей нации.

¹⁵ Однако и Кумано Тосидзо: (1854–1899), и Исобэ Сиро: (1851–1923) имели профессиональную специализацию в сфере французского права.

¹⁶ С открытой критикой Гражданского кодекса «за слишком пристальное следование примерам французского права и игнорирование японских обычаев и традиций» выступили сторонники английского права Окамура Тэрухико (1850–1916), Мотода Хадзимэ (1858–1938), Ямада Киносукэ (Ёсиносукэ) (1859–1913). Некоторые юристы (Окамура Тэрухико или Эги Тю (1858–1925), который также известен под именем Эги Макото) даже позволяли себе переходить от критики кодекса к личным «нападкам» в адрес Буассонада, которого они пренебрежительно называли «посредственным учёным». В числе противников принятия «профранцузского» Гражданского кодекса следует также назвать Такахаси Кэндзо (1855–1898), Хидзиката Ясуси (Нэй) (1859–1939), Окуда Ёсито (1860–1917), Накахаси Токугоро (1861–1934) и др. [Ikeda 1996, p. 237–238, 240].

¹⁷ С 1877 г. учебное заведение носило название *То:кё: дайгаку*, то есть Токийский университет, однако в 1886 г. название было изменено на *Тэйкоку дайгаку* (Императорский университет), а уже в 1897 г. последовало очередное изменение на *То:кё: Тэйкоку дайгаку* (Токийский Императорский университет), что было обусловлено созданием второго в стране императорского университета, расположившегося в Киото, и, следовательно, желанием властей избежать путаницы в названиях государственных учебных заведений. В 1947 г. университету возвращено прежнее название Токийский университет.

¹⁸ Учебное заведение было основано в 1885 г. как частная школа английского права и носила название *Игирису хо:рицу гакко:*. В настоящее время, после череды организационных преобразований, имеет статус юридического факультета и является структурным подразделением частного *Университета Тю:о:* в Токио.

¹⁹ Наиболее известным противником принятия проекта Гражданского кодекса Буассонада стал профессор [Токийского] Императорского университета Ходзуми Яцука (1860–1912), который заявил, что принятие этого «антияпонского» закона грозит стране уничтожением традиций «сыновней почтительности». Яцука был одним из подписантов меморандума одиннадцати японских юристов против принятия кодекса Буассонада.

Обратить внимание на немецкое право предлагал японский юрист Томии Масаки (Масакира) (1858–1935), полувосточный юридическое образование во Франции. Томии критиковал кодекс Буассонада как с юрико-технической точки зрения, так и с точки зрения устаревания его фактической основы – Французского Гражданского кодекса 1804 г. По его мнению, гражданское законодательство Германии было более современным и подходящим для Японии.

Эта задумка была реализована специально созданной комиссией²⁰ в рамках работы (1893–1898) над текстом нового проекта Гражданского кодекса. Новый Гражданский кодекс Японской империи, ставший сочетанием законодательных решений из различных кодексов мира (главным образом из Германского гражданского уложения) и положений традиционного японского права, был обнародован и вступил в силу в 1898 г.

Отказ в принятии проекта Гражданского кодекса стал для Буассонада горьким опытом и, по всей видимости, был воспринят им довольно болезненно. Решение имперского парламента подтолкнуло Буассонада к тому, чтобы завершить карьеру в Японии. Его последний рабочий контракт с правительством Мэйдзи истёк в декабре 1894 г. На этот раз японские чиновники не стали уговаривать постаревшего профессора остаться, и это обстоятельство лишней раз свидетельствует об изменении настроений в японском обществе за те годы, что Буассонад потратил на составление своего проекта Гражданского кодекса (1880–1889). За это время безусловное восхищение дарованиями Буассонада в качестве носителя французской правовой культуры постепенно было вытеснено скептицизмом японцев по вопросу о целесообразности широкого заимствования индивидуалистических принципов французского права, которые шли вразрез с традиционными обычаями Японии.

Однако не стоит забывать, что в отсутствие официальной кодификации гражданского права, судебные органы Японии не могли приостановить сам процесс отправления правосудия по гражданским делам, чтобы не быть обвиненными в отказе в правосудии. Не имея опоры в действующем законодательстве, японские судьи были вынуждены использовать для обоснования своих решений имеющиеся «под рукой» материалы: сначала прямые переводы наполеоновских кодексов²¹, осуществленные усилиями Мицукури Ринсё (1846–1897), затем тексты опубликованного проекта Буассонада. Позиция японских магистратов была довольно логичной, поскольку многие из них не могли и предположить, что впоследствии этот проект будет отклонен, а вектор рецепции западного права в Японии сменится с французского на немецкий. Широкая опора в выносимых решениях на положения наполеоновских кодификаций в ранние годы Мэйдзи привела к тому, что в 1882 г. Буассонад позволил себе заметить, что японская судебная практика в этот период выросла на положениях французского права, используя кодекс Наполеона в качестве факультативного источника права – своеобразного *ratio scripta* (писаного разума). Профессор Буассонад указывал: «Японские судьи по гражданским делам, лишённые источников своего старого права, в большинстве случаев не могут полагаться на фиксированные и определённые обычаи и вынуждены разрешать возникшие затруднения в соответствии с принципами естественного права, которые, по их мнению, сформулированы в иностранных кодексах, образующих своего рода общее право Запада» [Voissonade 1882, р. XXIV]. Благо, что обращение японских магистратов к разуму было законодательно освящено ещё в 1875 г. вышеупомянутым декретом Дадзё:кана № 103.

²⁰ Основными действующими лицами в комиссии были Ходзуми Нобусигэ (1855–1926), Умэ Кэндзиро: (1860–1910) и Томии Масааки (Масаакира) (1858–1935), хотя её численный состав был значительно шире и включал некоторых чиновников от исполнительной власти, судей, членов парламента, иных юристов.

²¹ По этому поводу профессор Токийского Императорского университета Сугияма Наодзиро (1878–1966) впоследствии писал, что «наполеоновские кодексы сыграли в Японии ту же роль, что и *Corpus iuris civilis* в старом французском праве, и таким образом японское право быстро покинуло семью китайского права [за исключением сфер семейного и наследственного права], чтобы стать членом семьи французского права» [Sugiyama 1934, р. 468].

Заключение

Правовая мысль Буассонада представляет собой настоящий манифест идеи естественного права, однако не в классическом юснатуралистском воспроизведении, а организуемый путём своеобразного синтеза положений рационализма, гуманизма и утилитаризма. В концепции Буассонада естественное право представляется в качестве абстрактной и метафизической теории, состояния недоступного совершенства, к постепенному «открытию» которого призывается законодатель. Присоединяясь к формулам классического юснатурализма, Буассонад рассматривал естественное право как необходимую основу всего позитивного права: в том случае, если законы государства не отражают требований естественной справедливости, они являют собой форму властного произвола.

Будучи наследником общей традиции французской школы экзегезы (*L'École de l'exégèse*), Буассонад заимствовал у неё рационалистический подход, являвший собой затейливую комбинацию христианской морали и технических методов анализа текстов наполеоновских кодексов. Однако доктрину Буассонада выгодно отличала историчность его мышления, почтительное отношение к интеллектуальному наследию римского частного права. Буассонад в полной мере разделял взгляды римского юриста Ульпиана, считая, что право является наукой или искусством добра и справедливости. Естественное право, в понимании Буассонада, – это своего рода заповеди справедливости, которые направлены на сохранение и развитие прогрессивного социального состояния.

Буассонад учил японских студентов, что естественное право состоит из общих, фундаментальных и универсальных принципов, поскольку человеческий разум сам по себе является универсальным. С помощью естественного права французский профессор предложил восполнить известную недостаточность старых обычаев Японии и произвести замену тех из них, что более не соответствовали новому социальному, политическому и экономическому положению в стране. Законопроектная деятельность Буассонада в наибольшей мере раскрыла его дарования как учёного-компаративиста. «В наброске плана японского законодательства Буассонад в определенной мере попытался выявить формы естественного права за рамками французской юридической системы» [Тошитани 1996, с. 54]. Ставя перед собой амбициозную задачу, связанную с созданием прогрессивных кодексов для Японии с привлечением лучших практик законодательного регулирования, Буассонад, тем не менее, всегда оставался «верным справедливости и разуму Франции» [Ikeda 1996, p. 265]²², поскольку он искренне считал французское право наилучшим позитивным выражением естественного права (из существовавших на тот момент законодательств).

Опубликованные лекции Буассонада, посвящённые введению в естественное право, считались одной из самых важных работ для японских студентов в эпоху Мэйдзи. Переведённые на японский язык, они долгое время использовались в качестве стандартного практического руководства в процессе обучения японских юристов. Естественнo-правовые взгляды Буассонада оказали серьёзное влияние на первые поколения японских судей, адвокатов и государственных чиновников. Для некоторых из них Буассонад стал настоящим учителем и наставником, к идеям которого они относились с нескрываемым почтением.

²² Из письма Гюстава Буассонада декану Парижского юридического факультета Эдмону Кольме де Сантерру (датировано декабрем 1893 г.).

Однако Буассонад не стал «учителем» для всех японских юристов. И дело не только в его открытой и часто независимой манере общения (непозволительной для многих других иностранцев), которая могла стать причиной появления недоброжелателей из числа японских юристов и политиков. Абсолютная вера Буассонада в универсальность естественного права не позволила ему реально оценить значение обычаев в повседневной жизни японцев, глубокую укоренённость традиционных норм и институтов в общественном сознании. В сущности, Буассонад представлял себе правовой прогресс как однолинейный процесс, одинаково протекающий у всех народов, что позволяло «прививать» правовой культуре одного народа рациональные законодательные решения, созданные в условиях иной (более прогрессивной) правовой культуры. Но политическая, экономическая и социальная обстановка в Японии в эпоху Мэйдзи оказалась намного сложнее. Непреодолимое желание создать право «новой» Японии по канонам западного мира, характерное для первых лет эпохи Мэйдзи, постепенно теряло своих безусловных сторонников. В 1880–1890-х гг. в Японии наблюдался рост влияния идеологии национализма. «Восхищение всем европейским постепенно сменялось отрицанием европеизации и пропагандой возвращения к национальным началам, что в дальнейшем создало благоприятную почву для развития японского национализма» [Чижевская 2018, с. 76] и привело в конечном итоге к оформлению японского тоталитаризма в 1920-е гг. [Мещеряков 2009].

Когда Буассонад только приступил к разработке проекта Гражданского кодекса, он находился на пике своей популярности, а о рецепции французского права по-прежнему рассуждали с воодушевлением. Но уже в 1880-х гг., с укреплением позиций национализма и появлением первых поколений японских юристов, получивших образование в области немецкого или английского права, общее «соотношение сил» изменилось. На смену французским концепциям естественного права пришли консервативные идеи немецкой исторической школы права, которая защищала тезис о национальных, исключительно самобытных началах правового развития каждого народа, что было несовместимо с «буассонадовской» идеей «универсального правового пути». Исходя из сказанного, можем согласиться с мнением профессора Мацукава Тадаки о том, что «ссора из-за Гражданского кодекса» в реальности была идеологическим и политическим конфликтом между либерализмом и национализмом, между индивидуализмом и антииндивидуализмом, свидетельством отказа Японии от идеалов школы естественного права [Matsukawa 1989]. В определённой степени этот конфликт стал отражением явного «фракционного соперничества», то есть противоборства между различными юридическими школами (французской, английской, немецкой), члены которых стремились отстоять свою профессиональную значимость и доказать свою необходимость для японского государства²³. В ходе этого противоборства сторонники школы французского права потерпели поражение, и это обстоятельство предрешило скорое завершение миссии Буассонада в Японии.

²³ Несмотря на тот факт, что сторонники школы английского права весьма активно выступали против принятия «кодекса Буассонада», они не могли предложить собственную альтернативу, поскольку английское право было неcodифицированным. Однако вовсе без кодекса было не обойтись, так как одним из условий отмены Ансэйских договоров было принятие в Японии современных законов наподобие тех, что существовали в западных странах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бугаева Д.П.* Японские публицисты конца XIX века. Москва: Наука. 1978. 164 с.
- Гоббс Т.* Сочинения в 2-х тт. Т.2. Москва: Мысль. 1991. 735 с.
- Еремин В.Н.* История правовой системы Японии / отв. ред. А.А. Кириченко. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. 293 с.
- Кин Д.* Японцы открывают Европу 1720–1830. Москва: Наука. 1972. 207 с.
- Мещеряков А.Н.* Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. Москва: Наталис. 2009. 591 с.
- Мещеряков А.Н.* Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 350–366. <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>
- Молодяков В.Э.* Мэйдзи исин: японская консервативная революция // Вопросы национализма. 2014. № 2(18). С. 147–164.
- Нода Й.* Сравнительное правоведение в Японии: прошлое и настоящее // Очерки сравнительного права: сборник / сост., пер. и вст. ст. В.А. Туманова. Москва: Прогресс. 1981. С. 229–255.
- Працко Г.С.* Естественное право как ценностная природа позитивного права // Философия права. 2020. № 2(93). С. 29–34.
- Скворцова Е.Л.* О парадоксе эпохи Мэйдзи (1868–1911): культурологические проблемы перевода западной терминологии на японский язык в условиях восстановления традиционного общества // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 3: Культура и политика: проблемы взаимосвязи / отв. ред. Ю.В. Любимов; сост. С.В. Прожогина. Москва: ИВ РАН. 2017. С. 34–55.
- Теймс Р.* Япония: история страны / пер. с англ. Е. Васильевой. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард 2009. 416 с.
- Тошитани Н.* Идентичность и универсальность японского права // Философские науки. 1996. № 1–4. С. 49–58.
- Тояма С.* Мэйдзи исин (крушение феодализма в Японии) / пер. с яп. Москва: Изд-во иностранной литературы. 1959. 364 с.
- Хауленд Д.* Перевод с западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. / пер. с англ. А.В. Матешук; науч. консультант Е.Л. Скворцова. Москва; Челябинск: Социум; Мысль. 2020. 378 с.
- Чижевская М.П.* Эволюция роли европейцев в модернизации Японии // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Санкт-Петербург: Изд-во Art-xpress. 2018. С. 74–82.

REFERENCES

- Bugaeva, D.P. (1978). *Yaponskie publitsisty kontsa XIX veka* [Japanese Publicists of the Late 19th Century]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Chizhevskaya, M.P. (2018). *Evolyutsiya roli evropeitsev v modernizatsii Yaponii* [Evolution of the Role of Europeans in the Modernization of Japan]. In *Yaponiya: 150 let revolyutsii Meidzi* [Japan: 150 Years of the Meiji Revolution] (pp. 74–82). Saint Petersburg, Izd-vo Art-xpress. (In Russian).

Eremin, V.N. (2010). *Istoriya pravovoi sistemy Yaponii* [History of the Japanese Legal System]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).

Hobbes, T. (1991). *Sochineniya v 2-kh tt. T.2.* [Works in 2 vols. T.2.]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Howland, D. (2020). *Perevod s zapadnogo: formirovanie politicheskogo yazyka i politicheskoi mysli v Yaponii XIX v.* [Translating the West: Language and Political Reason in Nineteenth-Century Japan]. Moscow: Chelyabinsk: Sotsium, Mysl'. (In Russian).

Kin, D. (1972). *Yapontsy otkryvayut Evropu 1720-1830* [The Japanese Discover Europe 1720-1830]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2009). *Byt' yaponsem. Istoriya, poetika i stsenografiya yaponskogo totalitarizma* [To be Japanese. History, Poetics, and Scenography of Japanese Totalitarianism]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2018). Reformy perioda Meidzi: chelovecheskoe izmerenie [Meiji Reforms: The Human Dimension]. *Yearbook Japan*, 47, 350–366. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>

Molodyakov, V.E. (2014). Meidzi isin: yaponskaya konservativnaya revolyutsiya [Meiji Ishin: Japanese Conservative Revolution]. *Voprosy natsionalizma*, 2 (18), 147–164. (In Russian).

Noda, Y. (1981). Sravnitel'noye pravovedenie v Yaponii: proshloye i nastoyashchee [Comparative Law in Japan: Past and Present]. In *Ocherki sravnitel'nogo prava: sbornik* [Essays on Comparative Law: A Collection]. Moscow: «Progress». (In Russian).

Pratsko, G.S. (2020). Estestvennoe pravo kak tsennostnaya priroda pozitivnogo prava [Natural Law as a Value Nature of Positive Law]. *Filosofiya prava*, 2 (93), 29–34. (In Russian).

Skvortsova, E.L. (2017). O paradokse epokhi Meidzi (1868-1911): kul'turologicheskie problemy perevoda zapadnoi terminologii na yaponskii yazyk v usloviyakh vosstanovleniya traditsionnogo obshchestva [On the Paradox of the Meiji Era (1868-1911): Cultural Problems of Translating Western Terminology Into Japanese in the Context of the Restoration of Traditional Society]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vypusk 3: Kul'tura i politika: problemy vzaimosvyazi* (pp. 34–55). Moscow: IV RAN. (In Russian).

Tames, R. (2009). *Yaponiya: istoriya strany* [Japan: History of the Country]. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Midgard. (In Russian).

Toshitani, N. (1996). Identichnost' i universal'nost' yaponskogo prava [Identity and Universality of Japanese Law]. *Filosofskiye nauki*, 1–4, 49–58. (In Russian).

Toyama, S. (1959). *Meidzi isin (krusheniye feodalizma v Yaponii)* [Meiji Ishin (Collapse of Feudalism in Japan)]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. (In Russian).

* * *

A French school of Law in Japan (1875). *The Southern Law Review*, 1, 122–125.

Appert, G. (1896). De l'influence des lois françaises au Japon. *Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée*, 23, 515–538. (In French).

Boissonade, G. (1874). École de droit de Jédo. Leçon d'ouverture d'un cours de droit naturel. *Revue de législation de française et étrangère*, 4, 508–525. (In French).

Boissonade, G. (1882-1888). *Projet de Code civil pour l'Empire du Japon, accompagné d'un commentaire*. 2 éd. T. 1. Des droits réels; T. 2. Des droits personnels ou obligations; T. 3. Des moyens d'acquérir les biens. Tokyo, Paris. (In French).

Boissonade, G. (1892). Réponse à la question: «L'homme est-il naturellement bon ou mauvais?». *Revue française du Japon*, I (3), 65–73. (In French).

Boissonade, G. (1892). La question ouvrière au Japon (conférence). *Revue française du Japon*, I (10), 309–320. (In French).

Boissonade, G. (1892). Lettre de M. Boissonade aux nouveaux avocats sortis de l'École franco-japonaise de droit de Tokyo. *Revue française du Japon*, I (1), 28–29. (In French).

Boissonade, G. (1893). Discours de M. Boissonade, à l'occasion de la remise des diplômes de fin d'études à l'École de droit français et japonais le 21 octobre 1893. *Revue française du Japon*, II (23), 379–388. (In French).

Bölicke, T. (1996). Die Bedeutung des Begriffes *jōri* für die japanische Rechtsquellenlehre. *Zeitschrift für Japanisches Recht*, 1 (1), 7–20. (In German).

Guinta, L. La présence française et la diffusion du français au Japon au XIXème siècle. Retrieved May 23, 2021, from <https://core.ac.uk/download/pdf/160825968.pdf> (In French).

De La Mazelière, A. (1911). Gustave Boissonade. Sa vie, sa mission au Japon (1874-1894). *Bulletin de la Société Franco-Japonaise de Paris*, XXI, 127–134. (In French).

Ikeda, M.K. (1996). *French legal advisor in Meiji Japan (1873-1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie*. Diss. Ann Arbor, UMI., Michigan.

Kischel, U. (2019). *Comparative Law*. Transl. by A. Hammel. Oxford: Oxford University Press.

Matsukawa, T. (1989). Le voyage de Monsieur Boissonade. In *La révolution de la justice. Des lois du roi au droit moderne* (pp. 255–266). Paris. (In French).

Minear, R. (1973). Nishi Amane and the Reception of Western Law in Japan. *Monumenta Nipponica*, 28 (2), 151–175.

Noda, Y. (1976). *Introduction to Japanese Law*. Transl. and ed. by A. Angelo. Tokyo: University of Tokyo Press.

Okubo, Y. (1981). Gustave Boissonade, père français du droit japonais moderne (1825-1910). *Revue historique de droit français et étranger. Quatrième série*, 59 (1), 29–54. (In French).

Rodríguez, F. (2012). Codificación y recepción jurídicas en Japón: la importación de la modernidad a partir del derecho. *Revista Mexicana de Historia del Derecho*, XXV, 231–253. (In Spanish).

Röhl, W. (1996). Rechtsgeschichtliches zu *jōri*. *Zeitschrift für Japanisches Recht*, 1 (1), 67–73. (In German).

Seong-Hak Kim, M. (2014). La coutume et la raison comme sources le droit dans la première moitié de l'ère Meiji. In B. Jaluzot (ed.), *Droit japonais, droit français. Quel dialogue?* (pp. 57–77). Zurich: Schulthess éditions romandes. (In French).

Sugiyama, N. (1934). La loi du 8 juin 1875 sur l'administration de la justice et les sources du droit privé. In *Recueil d'études sur les sources du droit en l'honneur de François Gény* (pp. 446–458). Paris: Recueil Sirey. (In French).

Terry, H. (1914). *The First Principles of Law*. 10th ed. Tokyo, Osaka, Kyoto, Fukuoka: Maruzen Company Ltd.